

КОШКА

Рассказ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА

В самой маленькой комнате квартиры № 5 жила немолодая некрасивая женщина.

Откуда она, что собой представляет, — никто из жильцов квартиры не знал.

Не знали даже, замужняя она или оставленная мужем, девушка или вдова, и чем живет. Последнее было особенно странно, так как обычно жильцы знают все подробности личной жизни своих соседей.

И если в этой личной жизни есть какая-нибудь тайна или просто что-нибудь скрытое, — вроде незарегистрированного сожительства, — то соседи относятся к такому жильцу с особенным интересом.

Каждый шаг такого жильца замечен, расшифрован и приговор над ним произнесен в тот же день.

И чем больше в жизни такого человека не законного, осуждаемого квартирной моралью, тем больше на нем сосредоточено внимание.

Сосед то и дело прислушивается в своей комнате, когда там начнут звякать бутылками или послышится вдруг мужской голос, или много мужских голосов.

Он непременно, как будто по своему делу, выйдет в коридор и с бьющимся сердцем пройдет мимо соседской двери на тот случай, если она окажется не плотно прикрытой и можно будет подсмотреть кусочек чужой, быть может, не законной и предосудительной истории.

А потом вернется к своей жене и скажет с презрением тихого и добродетельного человека:

— Вот соседство бог послал — прямо веселый дом какой-то.

Про обитательницу же маленькой комнатки никто ничего не говорил. Она никогда никого не беспокоила.

Худенькая, бледная, в заплатанных башмаках с плоской грудью, она если и выходила из своей комнатки, то только затем, чтобы вскипятить в общей кухне чайник.

И даже это делала тихо, неслышно, вежливо и робко сторонясь, когда к плите подходили другие.

Даже не все знали, что ее зовут Марией Семеновной.

Но у нее была огромная кошка — пушистая, белая без единой отметинки. Эта кошка была единственным существом, которое любило Марию Семеновну. Она ждала ее прихода перед дверью, вспрыгивала ей на плечо, едва только она показывалась в дверях.

Кошка была кумиром всей квартиры: дети ее запрягали в коляску, подростки заставляли прыгать через руки или клали на кресло спиной и лапами вверх, и покрыв одеялкой вешали ей на шею резиновую детскую соску.

Ее звали Машкой.

Все приходившие в первый раз в квартиру, увидев Машку, с восторженным изумлением вскрикивали:

— Какая прелесть! Чья это?

И если спрашивавшему молча указывали на случайно проходившую в это время по коридору Марию Семеновну, тот или та молча взглядывал, охладев в своем восторге, и когда хозяйка кошки скрывалась, только тогда он или она опять приобретали прежние интонации.

Машку кормила вся квартира, ей приносили и молока и мяса. И многим, вероятно, при взгляде на толстую, раскормленную Машку и на бледное, сероватое истощенное лицо ее хозяйки приходил вопрос: а чем питается ее хозяйка? Может быть она с жадностью съела бы то, что дается так щедро ее кошке.

Но такая не интересная, не заметная была фигура — Мария Семеновна, что каждому как-то скучно было

ВЫСТАВКА ГРАФИЧЕСКИХ ИСКУССТВ — ЛЕНИНГРАД 1917 — 1927 г.

Витрина Государственного Издательства

ВЫСТАВКА ГРАФИЧЕСКИХ ИСКУССТВ — ЛЕНИНГРАД 1917—1927 г.

Витрина Госзнака

до конца доводить свою мысль. При том сейчас же в оправдание приходило соображение, что ведь она ходит, двигается, воду даже кипятит и ничего не просит, значит как-то существует.

И даже то, что Марья Семеновна была на редкость кроткий человек, никогда не сделавший никому неприятностей, это еще больше поселяло в жильцах холодок по отношению к ней. Если бы она была скверной, сварливой бабой, тогда бы у каждого было внутреннее оправдание своего безучастного отношения к ней. А так как она была безупречный человек, то каждый как-то невольно чувствовал вину своей безучастности и потому старался не замечать ее, не

заговаривать с ней, как бы боясь, что ему тогда придется платить за это.

Даже от Машки отходили, когда в кухне показывалась Марья Семеновна.

И вот в один весенний день случилось несчастье, поразившее всю квартиру.

Марья Семеновна ушла из дома, оставив Машку в комнате. Она, подобрав под себя лапы, сидела на подоконнике и, закрыв глаза, грелась на солнце.

В это время воробьи чиркая и гоняясь друг за другом пролетели у окна и неожиданно сели на соседний подоконник.

Машка забыла, что она обитает на шестом этаже, сильным прыжком бросилась на воробьев и разбилась на смерть об асфальт двора.

Первыми ее увидели дети и подняли плач. Потом

сбежались взрослые и, став кружком около умиравшей кошки, смотрели на ее раскрытые горящие глаза и на судорожно дергавшиеся лапы. Кто-то хотел ее поднять, но десяток женских голосов с готовыми прорваться слезами закричали, чтобы ее не трогали, так как это, наверное, причинит ей жестокие страдания.

Все с негодованием говорили о Марии Семеновне, что она не могла закрыть окна.

— Противное создание. Недаром с ней даже говорить не хочется.

— Бедная Машка! Милая, как страдает! — говорили женщины квартиры № 5.

Витрина типографских и цинкографских работ издательства «Красная Газета»

ВЫСТАВКА ГРАФИЧЕСКИХ ИСКУССТВ — ЛЕНИНГРАД 1917 — 1927

Витрина печатного и переплетного отделений издательства «Красной Газеты»

— Нет, кончилась, — сказал кто-то.

Машку подергали за лапку. Она была мертва.

Вдруг все оглянулись. По двору с улицы шла Марья Семеновна.

Она, глядя под ноги, шла с узелочком — очевидно, раздобытое шитье, — шла своей торопливой незаметной походкой.

И вдруг, увидев народ, остановилась.

Щеки ее стали совсем мертвыми, а глаза огромными.

Она быстро подошла, молча подняла и сжала у рта руки, смотрела несколько времени на кошку, потом как-то бережно подняла труп на руки и пошла в дом.

— Даже ничего не сказала, — заметил кто-то.

— Ей богу, своими руками убила бы ее за Машку, — сказала полная молодая дама из пятого номера, — я теперь суток трое спать не буду, — все будет в глазах стоять.

— Минут пять была жива, ведь какие должны быть страдания при этом. И она даже не кричала, а только жалобно, жалобно смотрела на меня, — проговорила, утирая слезы, другая пожилая дама.

Жизнь в квартире потекла по прежнему. Но стало как-то пусто. Не проходило дня, чтобы не вспоминали о Машке по несколько раз.

В кухне стояло ее блюдо, куда ей наливали молоко. Его нарочно не убирали. Так и казалось, что Машка — пушистая, белая, без единой отметинки выйдет и, отряхнув лапку от пролитого молока, начнет осторожно лакать нежным розовым язычком из блюда.

Прошел месяц, другой. Жильцы также собирались в кухне во время готовки у плиты.

Один раз кто-то заметил.

— А что это Марья Семеновны не видно?

— Да разве вы не знаете? — сказала полная молодая дама.

— Что?

— Как «что»? Она уж две недели тому назад умерла в больнице. Чухотка.

— А я и не знала.

— А как же комната? — спросила пожилая дама.

— Ее домком уже кому-то отдал.

— Ну, что за мерзавцы. Ведь я же просила комнату! — сказала пожилая дама.

Она в это время крошила лук и все отводила в сторону лицо, чтобы не точило в глазах, потом бросила нож, утерла фартуком слезы и сказала еще раз:

— Мерзавцы!

Витрина утреннего выпуска «Красной Газеты» — кривая тиража с 1918 по 1927 г.

ВЫСТАВКА ГРАФИЧЕСКИХ ИСКУССТВ — ЛЕНИНГРАД 1917 — 1927

Витрина типографии имени Ивана Федорова

РОМАН МУДРЕЦА

Рассказ ВЛАДИМИРА БЕРЕНШТАМА

Мой друг «Мудрец», — прозванный так товарищами, — всегда был оптимистом.

Помню, он зазевался, упал в канаву и сильно ушибся. А едва поднялся, радостно воскликнул точно получил именинный подарок.

— Как хорошо! Ведь я мог свернуть шею! Сами видите: — жить можно!

В годы разрухи, — когда к Ленинграду лезли белогвардейцы и мы все голодали, — я пришел к нему. И только переступил порог, сразу же почувствовал отчаянный, отвратительный запах мокрой псины.

Исхудалый, тощий как скелет, но неизменно сияющий Мудрец встретил меня радостным сообщением.

— Жить можно! Сегодня я и сестра роскошно пообедали. Каждый получил по настоящей отбивной котлете!

Оказалось, в их двор неосторожно забежала какая-то собака. Предприимчивый управдом «завладел» ею и распродал по кусочкам жильцам дома. И себя не забыл: оставил голову на заливное.

— Жить можно! — ликуя повторял Мудрец, — облизываясь и переживая приятные ощущения дня.

А изо рта у него так и разлило мокрой псиной...

В другой раз он пригласил меня «на жареную в настоящем масле тарань». До этого вся наша братия ела ее в вареном виде и получить в жареном, да еще на каком-то настоящем масле, было чересчур заманчиво. Я прибежал к нему. Кроме меня собрались другие гости. Рыба оказалась необычайно вкусной. Мы все с увлечением уписывали ее, а Мудрец неизменно повторял свои любимые слова:

— Жить можно!

Когда рыба была прикончена и мы вылизали масло с тарелок, Мудрец задумчиво промолвил.

— И подумать только, как прекрасно пригодились это масло!...

— Откуда у вас такое чудное прованское масло? — завистливо спросила одна из дам.

— Это не прованское, а касторовое...

— Касторовое?!

— Да, я давно купил бутылку касторки, чтоб смазать обувь на лето, — отвечал Мудрец. — Но мне тогда кто-то сказал, что от «олеум рицини» может потрескаться обувь; я отставил бутылку и забыл о ней. Теперь случайно нашел. И мы могли так вкусно пообедать!

— Да, — воскликнула другая дама, — кто бы сказал, что рыба была зажарена на касторке! Ни малейшего привкуса!

Прошло всего два часа, и то, что рыба была зажарена на касторке, почувствовали все, кто ел ее!

В конце коридора квартиры Мудреца установилась «живая очередь» из мужчин и женщин. И даже стоя в этой очереди, крюча от нетерпения свое тощее тело, — точно где-нибудь на кинематографическом экране, — Мудрец неизменно повторял:

— Жить можно!

Потом я удрал от голода, а он остался. По профессии Мудрец — литератор. Но волею судеб он превратился в лек-

Витрина издательства «Радуга»

41
8

Библиотека
Красной
В. Д. Ленин

КРАСНАЯ ПРОРАМА

Художник И. А. Гринман

№ 8

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Площадь Восстания и Октябрьский (б. Николаевский) вокзал в утренние часы — Ленинград

Рисунок с натуры художника Г. С. Верейского